

Леонид Греков.

Александр Зиновьев и русский вопрос

«Я — РУССКИЙ КОММУНИСТ»

Одна из телевизионных передач, целиком посвященных А. Зиновьеву, помимо всего прочего запомнилась мне тем, что Зиновьев несколько раз ставил вопрос «Кто же я такой?» и, отвечая на свой вопрос, неоднократно повторял: «Я — русский коммунист!». Не услышать эти слова, не принять их во внимание было невозможно. Но исхитрились-таки телевизионных дел мастера и вычеркнули эти слова. В эфире мы их не услышали. Но вопрос «Кто же такой А. Зиновьев?» остался. И ответ на него прозвучал совсем не так, как хотел того герой передачи «Александр Зиновьев. Линия жизни».

Вступление к этой передаче доверили известному журналисту, политологу В. Третьякову, который не нашел ничего лучшего, как назвал Зиновьева «хулиганом»(!?) Нет, конечно, не в обыденном смысле этого слова, не как уголовного, а как человека, постоянно эпатазирующего и бросающего вызов общественному мнению. Но Третьяков никогда не знал и не понимал Зиновьева и, со всей очевидностью, не читал его книг. Ясно было одно: для него Зиновьев был неприемлем ни как русский, ни как коммунист. Для него вообще не существовало такого понятия — «русский коммунист».

Разумеется, не все понятно, что хотел сказать Зиновьев этими словами, этой самооценкой. «Русский коммунист»! Не советский, а именно русский! Думается, для того чтобы уяснить смысл этих слов в устах Зиновьева, надо кое о чем вспомнить.

Что-то помогут прояснить слова Н. Бердяева, сказанные им в далекие 30-е годы про Ленина: он был истинно русским человеком. Это в книге о смысле русского коммунизма. «Русский человек» — в этих словах Бердяев не разделял национальную и политическую принадлежность Ленина. Наверное, можно сказать, что для него Ленин и был «русским коммунистом». «Русским коммунистом» в этом смысле можно назвать и Сталина. Он не разделял судьбу России, судьбу русского народа и историческое дело коммунизма.

Называя себя «русским коммунистом», Зиновьев связывает эти слова со своей оценкой того периода русской истории, который ведет свое начало с Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и завершается в начале 90-х годов прошедшего столетия, когда свершился развал СССР, пала советская власть и был разгромлен коммунизм. Это 70-летие Зиновьев считает самой яркой страницей отечественной истории, вершиной ее развития. Вот его слова об этом: «Это была великая история, беспрецедентная в истории человечества эпоха. Великая эпоха!». Это определение — главное в понимании Зиновьева как «русского коммуниста». И неправы некоторые критики Зиновьева, которые, будучи его единомышленниками, можно сказать, идейными соратниками, упрекают его в непонимании того, что «Россия и комму-

низм — это одно и то же». Надо читать Зиновьева, понимать Зиновьева, и такое никогда не придет в голову! С самого начала (1922 год) жизнь Зиновьева совпала с образованием СССР, и в ней как бы слились Россия и коммунизм. Он родился, формировался как личность и как мыслитель вместе со страной. В нем они всегда были вместе — Россия и коммунизм. Прошел всю войну, бился с врагом в небе и на земле — защищал Советский Союз, т. е. русский коммунизм. И трагедию своей Родины, СССР, он переживал как «русский коммунист».

Истинное лицо Зиновьева, не диссидента, не антисоветчика и не антикоммуниста, сразу увидели и распознали западные журналисты в первый день его пребывания в эмиграции в 1978 году. Они приветствовали его появление в Германии — стране «свободного мира» и ничтоже сумняшеся назвали его «жертвой режима», и были поражены прозвучавшим из уст Зиновьева ответом: «Я не жертва режима! Режим — моя жертва!» И там сразу поняли: Зиновьев — «чужой для Запада человек! Он — агент КГБ! Он русский коммунист!» Неважно, что он написал «Зияющие высоты!» Неважно, что он в течение двух десятилетий жизни в Германии писал книги о коммунизме — не апологетику, а критику. Ведь и тогда, в конце 70-х, и сегодня, в СССР и в России, считали его диссидентом. Но на Западе разобрались быстрее и точнее. Зиновьев — не человек Запада! Он русский, он коммунист, он русский коммунист! А когда в 1995 году в России вышла его книга «Запад», стало окончательно ясно, кто такой Зиновьев.

«Я ЧЕЛОВЕК ГЛУБОКО РУССКИЙ»

«Мы и Запад». Так называется одна из книг Зиновьева, изданная в эмиграции (1980). В этих словах сформулирована важная сторона «русского вопроса» в том виде, в каком он освещается в работах А. Зиновьева. Начиная с 1993 года, спустя 15 лет после изгнания, Зиновьев стал приезжать в Россию. В 1999 году он окончательно возвращается на Родину.

Многих в эти годы озадачивали выступления Зиновьева, его активная просоветская и в некотором смысле даже прокоммунистическая позиция. Во время встреч Зиновьева с его многочисленной читательской аудиторией наблюдалась необычная реакция людей. Удивление и растерянность — многие были буквально ошарашены. В сознании не укладывалась мысль: автор «Зияющих высот» и «Гомо советикуса» вдруг оказался защитником «советского коммунизма», осуждает российскую демократию и реформаторскую политику нового руководства страны!? Не понимали люди и другое. Как это ученый, проживший 15 и более лет на Западе, критикует западное общество и его порядки!?

Чтобы понять эту загадку Зиновьева, надо уяснить его отношение к России и русскому народу. Отношение это непростое и в чем-то парадоксальное. Можно сказать, что это отношение трезвого, лишённого выпренных патриотических комплексов аналитика. Отвергая обвинения оппонентов в русофобии, Зиновьев писал в 1980 году: «Признаюсь, я не испытываю чувства любви к русскому народу» («Мы и Запад», с. 39). Если на этих словах остановиться, то можно посчитать, что этого достаточно для упреков в русофобии. К сожалению, многие оппоненты и критики так и поступают. Не хотят видеть сложности проблемы и сложности позиции Зиновьева. Но сам Зиновьев признанием в «отсутствии любви» не ограничивается. Он развивает свою позицию: «Но я не испытываю к нему (русскому народу — Л. Г.) и ненависти. Мое отношение к нему иного качества: я принадлежу к этому народу и разделяю его судьбу. Я часть его. Я озабочен его судьбой» (там же).

«Любовь к народу», по мнению Зиновьева, это «лицемерные эмоции», которые могут позволить себе те, кто оторвался от своего народа и ему не принадлежит. Для Зиновьева русский народ не «пустая романтическая абстракция, а суровая реальность». Всю свою долгую жизнь

он «провел в народе». «Я вместе с ним и в нем голодал, мерз, работал, воевал» — этими словами писатель подчеркивает коренную, органическую связь со своим народом.

И именно как «человек глубоко русский» Зиновьев переживает за свой народ, за его нелегкую трагическую судьбу. Еще до эмиграции у него возникает опасение за существование России как великой державы, что русский народ может исчезнуть с арены истории. Эта тревога усиливается во время пребывания на Западе и достигает своего апогея через двадцать лет, уже в конце столетия. Что породило эти опасения, чем объяснить такой, можно сказать, «исторический пессимизм» Зиновьева? Неординарность его воззрений очевидна, особенно когда сопоставляешь идеи ученого, писателя-эмигранта с позицией официальной советской идеологии того времени. Достаточно вспомнить слова Л. И. Брежнева: «КПСС — партия исторического оптимизма». Зиновьев один из немногих, если не единственный, кто видел зародыши будущей катастрофы, которая потрясет его страну. И именно тогда Зиновьев отчетливо сознавал связь трагической судьбы страны с крушением коммунистического строя. Конечно, было бы неверным утверждать, что тогда он «все знал». Это не так. Позднее писатель будет не раз говорить, что верил в незыблемость коммунизма, что только в страшном сне можно было увидеть то, что произошло с его страной. Знай он это, так не написал бы свои «Высоты», «Желтый дом» и проч. В этом вопросе важно то, что Зиновьев исходил из органической связи исторической судьбы России и русского народа и коммунизма. Он всем нутром свои ощущал эту связь. Позднее он четко выразит эту мысль словами: «Русский народ смог сохраниться как народ исторический лишь в качестве народа коммунистического» (А. Зиновьев. «Гибель русского коммунизма». М., 2001, с. 23). С любым другим строем русский народ обречен на деградацию и гибель.

КТО И КАК ОЗАБОЧЕН СУДЬБОЙ РУССКОГО НАРОДА?

Тревога за Россию, за русский народ — это ощущение ныне все более проникает в общественное сознание российского общества. Писатели, ученые, журналисты, военачальники, профессиональные политики — все говорят о какой-то фатальной обреченности страны, народа, его культуры. Под угрозой существование русского языка, деградирует российская наука, разваливается армия. Все искажено, все исковеркано нашим новым «демократическим» мышлением и действием — таков печальный вывод людей, озабоченных судьбой всего русского. Эти тревожные сигналы в сочетании с ужасающими демографическими показателями и порождают в общественном сознании сильное чувство «исторического пессимизма».

Но не все у нас пессимисты. Скорее наоборот. Кому-то на Руси сейчас жить хорошо, даже очень хорошо. Громче и чаще звучат оптимистические речи: «Русь, конечно, решит все свои проблемы», «страна выздоравливает». Короче, страна на пути к светлому будущему. Но как это понимать, в каком смысле «выздоровливает»? «Выздоровливает» — значит, очищается от мрачного советского прошлого, сбрасывает с плеч гнет коммунистического тоталитаризма. Современные «оптимисты» и хулители всего советского в своих отзывах о коммунизме не жалеют черных красок. Те, кто выбрал «пепси», не нуждаются в советских ценностях, их надо демонтировать и выбросить из истории. Среди «оптимистов» видные представители творческой интеллигенции — писатели, журналисты, актеры, гораздо реже ученые. Критика социализма, хула на все советское стали у них ритуалом, модой. «Социализм — это абсолютный разгул серости. Социализм был подарком бездарным, ленивым людям». Тогда, оказывается жили по принципу зоопарка, «все сидят в клетке и всем дают одинаковую бурду.» А отдельные противники социализма считают, что отказ от советского прошлого — это путь к возрождению России и русского народа: «Пока все советское не отомрет, ничего русского у нас не будет».

Такова в общих чертах панорама исторического спора о будущем постсоветской России. Как разобраться в разнообразных суждениях и точках зрения? Кто глубже понимает и точнее выражает коренные интересы российского общества — «исторический пессимизм» Зиновьева и его единомышленников или «оптимизм» строителей новой капиталистической России? Будущее в представлении ориентированных на западные ценности оптимистов ясно и предсказуемо и характеризуется одной фразой: «Будем жить как на Западе, и все будет хорошо». У Зиновьева есть своя футурология, и в ней мы видим изображение этой картины будущего. Точнее, мы видим будущее страны, если пойдем по пути противников советского и проповедников западных ценностей. В конце XXI столетия мы станем частью Большого Запада — страны победившего западнизма. У нас будет все, как на Западе! Для Зиновьева такая судьба его страны и его народа представляется трагической.

В XXII ВЕК БЕЗ РОССИИ!?

Футурология Зиновьева изложена во многих его работах. В наиболее четком и систематизированном виде она содержится в его книге «Глобальный человек» (М., 1997). Перед взором читателя открывается картина жизни человека конца двадцать первого столетия. На Земле свершился повальный экспорт западнизма, его традиции и ценностные ориентации получили глобальное распространение: планета превратилась в одномерный социум, все страны разными путями пришли к западнизму. Каким же, по Зиновьеву, будет оно, это новое общество двадцать второго века? Почему он назвал новое общество человекником? Чтобы получить ответы на эти вопросы, надо прочесть книгу. А прочитав, поразиться, какая серая и невыразительная жизнь ожидает наших далеких и не очень далеких потомков! В своих прогнозах Зиновьев пытается предостеречь людей от опасностей грядущей западнизации и глобализации. Цель автора — отвратить человека от пути, по которому может пойти современное общество. Это — путь к обезличению человека, к превращению его существования в пустое, бездумное времяпожирание. На вопрос: «Куда идешь, человечество?» — Зиновьев отвечает: «Мы превращаемся в гигантский мыльный пузырь истории», «мы создали цивилизацию, обрекающую людей на одиночество».

Но, пожалуй, самое ценное в этой книге — это представление автора о будущем своей страны и своего народа. Этому в книге посвящено всего две страницы. Один из главных персонажей «Глобального человекника» Гор поведал своему собеседнику удивительные факты.

Занимаясь «исторической археологией», Гор сделал «величайшее открытие» — «раскопал» доказательства того, что на территории Российской и затем Советской империи до конца XXI века существовал великий народ, который затем исчез с исторической арены и был буквально «вычеркнут» из памяти человечества («Глобальный человекник», с. 320). Просто невозможно представить себе такое! Это страшнее, чем «Планета обезьян»! Через каких-то 100 лет люди, живущие на нашей территории, не будут ничего знать о России и русском народе! И неожиданно кто-то из наших потомков вдруг узнает, что такая страна была, что такой народ существовал! Узнает, что это был великий народ! Великий не только по размерам (около 100 миллионов), но и по исторической роли, но и по вкладу в мировую цивилизацию.

Куда же делась эта страна и ее народ? Что с ними произошло за 100 лет? Лучше Зиновьева на этот вопрос никто не ответит. «Что случилось с этим народом? Почему он исчез с исторической сцены? Почему так тщательно вычищены следы его в истории? По мнению Гора, этот народ не просто вымер. Он был общими усилиями Запада и всех его мировых холоуев и помощников умышленно направлен на путь вымирания. Можно утверждать нечто большее: он был просто истреблен современными методами истребления больших народов, которыми со временем будут истреблены многие миллиарды «излишнего» населения планеты. Но в отноше-

нии русоидов (русских — Л. Г.). ситуация была особой, можно утверждать — уникальной: они были создателями и носителями коммунистического социального строя, которой был смертельной угрозой существованию западнизма как социального строя и его носителей — народов Запада. Разгром советского коммунизма был одновременно и разгромом и русоидов как особого народа. Затем Запад в течение целого столетия методично проводил в отношении побежденных русоидов политику, вынуждавшую их на деградацию и вымирание. Запад был убежден в том, что сохранение русоидов в качестве великого народа означает вечную угрозу возрождения коммунизма. И кто знает, может быть, в результате второй попытки коммунизм завоевал бы мировое господство со всеми вытекающими отсюда последствиями для Запада. Поэтому надо было не просто истребить народ, но вытравить из памяти человечества всякие следы его пребывания в истории» (с. 320—321). Эти страницы стоят многих книг! Пусть все, кто сегодня думает о судьбах страны и народа, искренне переживает за их судьбу, неважно, какой он политической ориентации, узнают, что пишет Зиновьев о будущем России, осознают весь трагизм современного положения страны.

Интересно было бы проделать опыт с этим фрагментом из «Глобального человеконика». Напечатать его в какой-либо газете («Коммерсантъ», «Литературная газета», «Советская Россия» и др.) и, как это часто делается в прессе, попросить прокомментировать его. Какова будет реакция на такой проект будущего у властителей дум российского общества? Что скажут государственные деятели, политики, писатели, журналисты, мудрецы-всезнайки с телевидения, наконец, истинные хозяева жизни — олигархи? Предвидеть, что они скажут, сложно и, наверное, нет смысла. Надо попробовать. Можно, правда, ожидать реакцию некоторых оппонентов Зиновьева. Как это не раз бывало, от его прогнозов просто отмахнутся. Вы утверждаете, что в будущем ни России, ни русских не останется? Но когда это еще будет? Нечего сейчас гадать на кофейной гуще. Это во-первых. Во-вторых, не будет России, исчезнет русский народ как великая нация с ее великим прошлым!? Ну и что тут страшного? Забудут Пушкина, Достоевского, Л. Толстого, Глинку, Чайковского!? Ну и что, современное технотронное общество вытесняет ценности прошлого и заменяет их новыми, адекватными новым устоям. Не будет России как великой державы!? Ну и что, история знает много примеров, когда исчезали страны и народы и на смену им приходили другие!

Спорить и переубеждать таких людей бесполезно и бессмысленно. Сегодня нас призывают к согласию и сплочению, зовут идти вместе. Но куда и во имя чего? Куда идти вместе и с какой целью? Нужна новая, зовущая вперед идеология? Но куда идти под новым идейным знаменем? К утверждению на планете господства Большого Запада и торжества ценностей «Глобального человеконика»? Без России и без русского народа?

ОТВЕТА НЕ БЫЛО

Во время телевизионной передачи, о которой шла речь в начале этих заметок, я задал Зиновьеву вопрос, прямо касающийся его прогнозов. Напомнив коротко о его картине будущего России из «Глобального человеконика», я спросил: какова вероятность того, что все это случится? Что уже запущено колесо истории и процесс разрушения страны невозможно остановить? Может быть еще не поздно и что-то надо срочно предпринимать? Или «бабочка Брэдбери» (из рассказа американского фантаста «Тропюю грома») уже раздавлена и «Аннушка уже масло пролила?» (из «Мастера и Маргариты М. Булгакова»). Надо ведь что-то делать!

Конечно, ответить сразу Зиновьеву было непросто и кто вообще может с уверенностью и ответственно говорить об этом? Зиновьев хорошо понимал важность этих вопросов и хотел на них ответить. Но ему это сделать не дали — время, отпущенное телевизионщикам на запись, было на исходе. Отвечать надо — эти вопросы отражают императив нашего времени. Еще

сравнительно недавно, несколько десятилетий тому назад, американцев пугали страшными словами: «Русские идут». То время безвозвратно прошло. Сейчас нас должна тревожить мысль: «Что будет в будущем, если «русские уйдут»?

Говоря об «историческом пессимизме» Зиновьева, я умышленно беру эти слова в кавычки. Его воззрения, бесспорно, несут в себе большую действенную силу. Он не сложил руки и призывает всех к активному действию. Считаю уместным привести здесь его слова, заключающие одну из его последних изданных книг «Гибель русского коммунизма». «Мы, россияне, — пишет Зиновьев, — должны отбросить всякие иллюзии насчет XXI века. Он будет не веком благополучия, праздников и развлечений, а веком ожесточенной борьбы одних — за выживание, других — за господство над первыми, одних — за национальные интересы России, других — за закабаление ее глобальным западнистским сверхобществом. Рассчитывать, что произойдет какое-то чудо, что кто-то нам поможет, кто-то нас спасет, — бессмысленно. Все зависит от нас самих, от того, сможет наш народ выдвинуть из своей среды достаточное число мужественных, честных и умных людей или нет, сможет народ поддержать борьбу этих людей за его же интересы или нет, окажется власть и интеллектуальная элита на стороне своего народа или нет. Это все — азбучные истины социальной борьбы. Их следует не просто принять как общие фразы, а как практически действующие принципы поведения» (с. 431).